

Об экспериментальном поле госпоже Ли знать не полагалось, поэтому Ван Ину пришлось прибегнуть к спасительной лжи.

— На самом деле эти овощи привезли из нашего поместья, — уверенно произнес он.

— Из поместья? — удивилась Госпожа Ли. — Откуда там взяться зелени в такую пору?

Ум Ван Ина работал стремительно.

— На одном из склонов в наших владениях есть теплый источник. Воздух вокруг него всегда прогрет, поэтому еще осенью я велел старосте засеять там грядки. Когда я был там в последний раз, всё отлично вошло. Вот и решил, что зимой такая диковинка будет в самый раз для продажи.

— Вот оно что...

— Только об этом — ни слова, матушка. Если пронюхают завистники, нашему делу конец.

Госпожа Ли послушно закивала. В торговле она не смыслила, но наказу зятя вняла беспрекословно. Ван Ин незаметно смахнул пот со лба: кажется, на этот раз удалось выкрутиться.

Вскоре потянулись первые покупатели. Сначала заглянули старые знакомые свекрови — дамы из зажиточных семей, которым было вполне по карману побаловать себя свежими овощами.

— Какая прелесть! — восхищалась одна из них. — Смотрите, будто только с грядки сорвали.

— И не говорите, — подхватила другая. — Удивительное дело: летом на огурцы и смотреть не хочется, а как подморозило — так и тянет отведать.

— Вот и я так же! — вторила третья. — В сезон на баклажаны глаза бы не глядели, а теперь тоска берет. Раньше слуги их на зиму сушили, а теперь-то лакомство будет — свеженькие!

Ван Ин, ловко взвешивая товар, приговаривал:

— Кушайте на здоровье, почтенные дамы. Заходите еще, в нашей лавке каждый день будет такая зелень.

Дамы оказались на редкость тактичными: хоть их и распирало любопытство, откуда зимой

берется подобный товар, лишних вопросов никто не задавал. В конце концов, это чужой секрет, а кто же станет выдавать способ заработка?

Цены, конечно, кусались — овощи стоили в десять раз дороже, чем летом. Если в сезон баклажаны шли по три вэня за цзинь, то теперь Ван Ин просил за них двадцать восемь. Стручковая фасоль и вовсе подскочила до двадцати вэней. За пару цзиней приходилось выкладывать сотню монет — богатым семьям это было по силам, но даже они не могли позволить себе такую роскошь ежедневно.

Проводив первых покупательниц, юноша ссыпал медь в ларец и подозвал Чэнь Цинъюнь.

— Цены запомнила?

— Угу! — девочка оказалась на редкость смысленной и, лишь раз прослушав, всё усвоила.

— Если мне нужно будет отлучиться, лавка останется на тебе.

— Не беспокойся, зять, я справлюсь!

Госпожа Ли хотела было что-то возразить. По её старым убеждениям, «отсутствие талантов у женщины — это добродетель», а незамужним девицам и гэ'эрам не подобало выставлять себя на всеобщее обозрение, дабы не навлечь презрение будущего мужа. Однако после смерти супруга она всё яснее осознавала ущербность такого воспитания. Не будь рядом Ван Ина, семья бы давно пошла по миру. Глядя на уверенность зятя, она смирилась: пусть дочь набирается опыта, чтобы не стать такой же беспомощной, как она сама.

Вскоре в заведение заглянули две госпожи из семьи Фэн — владельцев одной из самых богатых зерновых лавок в городке. Узнав об открытии, они просто не могли пройти мимо.

— У тебя еще остались те красные плоды? — спросила старшая госпожа Фэн. — Сын разок попробовал и теперь покоя не дает, каждый день требует купить.

— Разумеется, для вас приберег! — Ван Ин поспешил достать из-под прилавка корзинку с томатами.

Выставлять их напоказ он не спешил: во-первых, не все знали, что это такое, а во-вторых, он планировал выручить за них немалую цену.

— Помидоры — плод нежный, сочный. Пока везли, много попортилось, так что цена будет повыше...

— И сколько же?

— Десять вэней за штуку.

— Ох, я-то думала! — Госпожа Фэн махнула рукой слуге, чтобы тот расплатился. — Давай сразу десять штук.

Ван Ин мигом отобрал самые крупные плоды и уложил в корзинку. Вторая госпожа тоже взяла десяток. Видя такую щедрость, юноша решил научить их простому блюду — яичнице с томатами.

— Неужто их можно жарить?

— А как же! Вкусно выходит — пальчики оближешь, детям точно понравится.

Собеседница расплылась в улыбке:

— Что ж, попробуем. Если полюбится — придем еще.

Дамы прикупили и других овощей, оставив в магазине в общей сложности больше четырехсот вэней. После их ухода потянулись другие любопытные: кто-то ворчал на дороговизну, кто-то брал самую малость на пробу.

В полдень пришел Чэнь Цинъянь с коробом для еды. Еще издали он заметил яркую вывеску. Зайдя внутрь, он увидел, как Ван Ин учит Цинъюнь вести счет.

— Ну, как успехи?

— Брат, представляешь! — воскликнула девочка. — Мы за утро наторговали на семьсот вэней!

Ван Ин с гордостью вскинул подбородок:

— Видишь, как дела идут?

Чэнь Цинъянь шуточно поклонился, сложив руки:

— Весьма недурно. Мое почтение великому торговцу.

— Не паясничай, — усмехнулся Ван Ин. — Это только первый день, всем в диковинку. Завтра такого наплыва не будет.

Лицо Цинъюнь тут же помрачнело:

— И что нам делать? Овощи ведь испортятся, если долго лежать будут.

— Сама подумай, есть выход? — с прищуром спросил Ван Ин.

Девочка долго терла лоб и наконец выдала:

— Распродать по дешевке?

— Если сразу сбросишь цену, — вмешался Чэнь Цинъянь, — никто больше не купит втридорога. Все будут ждать, пока товар начнет вянуть, чтобы забрать за бесценок.

Ван Ин одобрительно кивнул мужу:

— Снижать цену можно, но не для простых людей. В городке полно харчевен и ресторанов, им тоже нужна зелень. Излишки можно отдавать им, чуть уступив в цене.

Пока они обсуждали дела, в дверях показался владелец ресторана «Инэкэ». Господину Чжао Ланю было за сорок: острая козлиная бородка, темно-зеленый халат, волосы, уложенные в аккуратный даосский пучок. Прищуренные глаза и хищный разворот плеч выдавали в нем человека крайне расчетливого.

— Кто здесь хозяин? — осведомился он.

— Я, — шагнул вперед Ван Ин. — Желаете что-то приобрести?

Чжао Лань смерил его оценивающим взглядом.

— Откуда товар?

— Из Лайчжоу.

— Далековато. Неужто не портится в пути?

Ван Ин лишь загадочно улыбнулся. На этот вопрос у него был один ответ для всех. Понимая, что правды не добиться, лавочник Чжао принялся придирчиво осматривать овощи.

— Выбор неплох. Если возьму много, скидка будет?

— Разумеется. Сколько планируете брать, господин Чжао?

Тот вскинул брови:

— Ты меня знаешь?

— Кто же в нашем городке не знает владельца «Инэкэ»?

— Что ж, тогда к делу. Назови свою цену для опта.

Ван Ин озвучил стоимость, скинув по пять вэней с каждого цзиня.

— Грабеж! — возмутился Чжао Лань. — Какая мне выгода с таких цен? Летом пучок лука-порей стоит один вэнь, а ты теперь просишь десять за цзинь! Сбавь еще.

— Полноте. Летом и трава дешевая. Где вы еще найдете такую свежую зелень зимой? Дешевле не выйдет — мы и так торгуем почти без прибыли.

Чжао Лань, проигнорировав Ван Ина, повернулся к Чэнь Цинъяню:

— Уступи. Буду брать по десять цзиней каждого вида ежедневно.

— Все дела ведите с моим супругом, — спокойно ответил Цинъянь. — Это его лавка, я в торговле не смыслю.

Ван Ин почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение. Этот пройдоха явно ни во что не ставил его из-за того, что он гз'эр. Оценивать деловые качества по полу — верх глупости.

Чжао Лань презрительно хмыкнул, взял помидор и повертел его в руках:

— А это что за плод? Впервые вижу.

— Томат. Тоже из Лайчжоу.

— И как его едят?

— Нарезать дольками и посыпать сахаром — отличная закуска к вину.

— Дай-ка парочку.

— Десять вэней за штуку.

Рука гостя дрогнула.

— Давай два...

Ван Ин выбрал плоды покрупнее. Скупой лавочник, ворча, отсчитал медь.

— Продаешь втридорога, а ведь завянут овощи — выбросишь. Лучше отдай мне за полцены, пока не сгнили.

— Не извольте беспокоиться, господин Чжао. Цена окончательная, — отрезал Ван Ин.

Чжао Лань, картинно взмахнув рукавами, покинул заведение.

— Почему ты не уступил ему? — полюбопытствовал Чэнь Цинъянь, когда посетитель скрылся.

— Скидка в пять вэней — это и так щедро. Сбавлю больше — и в лавку к нам никто не придет. В ресторанах еда вкуснее, и если порция готового блюда будет стоить столько же, сколько наши овощи, кто же станет возиться с готовкой дома? К тому же, мы — единственные в городе, у кого есть такой товар. Захочет купить — всё равно придет ко мне.

О самом главном Ван Ин промолчал: овощи на экспериментальном поле росли сами собой, и даже если пара кочанов подгниет, он не станет горевать. Но потакать этому скряге он не собирался.

Чэнь Цинъянь задумчиво кивнул:

— Похоже, в торговле ты и впрямь мастер.

Ван Ин придвинул ему стул.

— Как там школа? Детишки сегодня не сильно донимали?

— Дети есть дети, шумят, конечно. Но твоя затея с алыми цветами творит чудеса — теперь их за уши не оттащишь от книг.

Система поощрений с красными цветами, знакомая каждому школьнику в ином мире, оказалась на редкость эффективной. Поначалу дети семьи Фэн, почувствовав мягкий нрав Чэнь Цинъяня, совсем отбились от рук. Но после того как Ван Ин смастерил доску с именами учеников, всё изменилось. Напротив каждого имени была строчка для наград. За прилежание учитель приклеивал красный цветок из шелка. Десять цветков — и ребенок получал подарок. Это могла быть переписанная наставником глава «Троесловия», свежий фрукт или безделушка

от Чэнь Цинсуна. Для взрослых — мелочь, для детей — высшая доблесть. Маленький толстяк Фэн перестал опаздывать, Фэн Бинь больше не болтал на уроках, а Фэн Линь вгрызался в науку с удвоенной силой.

Успехи учеников Чэнь Цинъяня не остались незамеченными: соседи потянулись к ним, и вскоре в школе было уже шестеро ребят. Цинъянь воспрял духом, а его здоровье, подпитываемое радостью от любимого дела, почти вернулось в норму.

Однако его триумф обернулся бедой для другого. Учитель старой школы, где раньше учился Чэнь Цинсун, в последнее время стал холоден к мальчику, а на вопросы отвечал сквозь зубы. Оно и понятно: учеников в городке было мало, и с открытием новой частной школы старик потерял несколько подопечных.

Сегодня, даже не взглянув на сочинение Цинсуна, старый сюцай швырнул его на край стола.

— Раз у тебя брат открыл школу, зачем ты ко мне ходишь?

— Но... — растерялся мальчик, — я ведь всегда здесь учился...

— Вот пусть брат тебя и учит! — зло усмехнулся старик. — Видать, мои познания для вашей семьи слишком скудны. Прочь!

Цинсун, захлебываясь слезами, поплелся домой с коробом для книг. Ван Ин и Чэнь Цинъянь как раз возвращались из лавки и увидели его в таком состоянии.

— Цинсун, что случилось? — встревожился Ван Ин. — Тебя кто-то обидел?

— Брат... зять... — всхлипывал мальчик, пересказывая дневную стычку.

Ван Ин нахмурился:

— Это уж слишком! Я сейчас пойду и поговорю с ним.

Чэнь Цинъянь удержал его за руку.

— Не стоит. Толку не будет, только лишний шум. Я сам когда-то учился у него, и негоже мне теперь выказывать неуважение наставнику. Раз он не желает тебя видеть — учись дома со мной. Как сдашь на туншэна, отправим тебя в уездную школу.

Цинсун мигом перестал плакать. Учиться дома, всего полдня, да еще и без розог — такая перспектива его явно радовала. Цинъянь, заметив блеск в глазах брата, строго добавил:

— И не надейся на поблажки. Дома спуску не дам, будешь лениться — самолично высеку.

Мальчик поник, но на душе у него явно полегчало. За ужином Цинъянь вкратце обрисовал ситуацию матери, умолчав о придирках старика. Госпожа Ли, разумеется, была только «за» — в её глазах старший сын был лучшим из учителей.

— Госпожа Цю прислала приглашение, — вспомнила она. — Завтра у них пир в честь месяца со дня рождения внука.

— Я велю Эршуню подготовить подарок, — отозвался Ван Ин.

Госпожа Ли замялась, бросив на них короткий взгляд:

— У неё уже второй внук пошел... И когда же я дождусь своего счастья?

Ван Ин, сделав вид, что крайне увлечен едой, уткнулся в миску. Рождение детей — задача не из легких, и он предпочел бы оставить её тем, кто к этому более склонен.

***

После ужина, вернувшись во двор, Ван Ин при свете свечи заносил в книгу дневные расходы и доходы. Чэнь Цинъянь готовил план завтрашних уроков. В комнате царил уютная тишина.

Лишь в час Собаки Ван Ин потянулся, разминая затекшую спину.

— Хватит на сегодня. Ложись спать.

Чэнь Цинъянь поднял голову.

— Ложись первым, я еще немного посижу.

Без него Ван Ин не мог попасть на экспериментальное поле. Он заерзал на месте, подыскивая предлог.

— Иди уже... Мне одному не спится.

Цинъянь, густо покраснев, задул лампу и забрался под одеяло. Между ними оставалось с полфута пространства. Глядя на его смущение, Ван Ин не удержался от подначки:

— Матушка-то всё о внуках мечтает.

— Не... не слушай её.

— Долго мы так прятаться не сможем. Может, тебе и впрямь жену взять, чтобы родила наследника?

Видя, что муж молчит, Ван Ин перевернулся на бок.

— Я серьезно. Я рожать не хочу, а матушка ждет продолжения рода. Негоже мне тебе жизнь портить.

— Не возьму.

— Да ладно тебе. Пускай она спит слева, я — справа. Обещаю — подсматривать не буду.

— Ван Ин!

— Ну чего ты, я же шучу...

Внезапно мир перевернулся. Чэнь Цинъянь навис сверху, пригвождая его к кровати. Сильные руки уперлись в подушку по обе стороны от головы юноши, а тяжесть мужского тела не давала шевельнуться.

— Твою ж... Ты чего творишь? — Ван Ин попытался оттолкнуть его, но Цинъянь даже не дрогнул. Только сейчас он в полной мере ощутил разницу в силе между гэ'эром и мужчиной. Хоть они и были почти одного роста, эта хрупкая на вид преграда оказалась несокрушимой.

— Ты настолько меня презираешь? — глухо спросил Цинъянь.

— Вовсе... вовсе нет... — Ван Ин отвел взгляд, чувствуя, как сердце в груди выбивает бешеный ритм.

Цинъянь медленно склонился ниже. Горячее дыхание обжигало кожу, а вдоль позвоночника пробежала странная дрожь, от которой тело стало до пугающего мягким. Ван Ин не на шутку испугался этой реакции.

И когда их губы были уже в волоске друг от друга, вспыхнул белый свет. Ван Ин исчез.

***

«О боги, чуть не попался!»

Очутившись посреди экспериментального поля, Ван Ин прижал ладони к пылающим щекам. Вот уж воистину — доигрался с огнем. В прошлой жизни мужчины его совершенно не интересовали, но здесь... стоило Цинъюню прижать его к кровати, как внутри вспыхнуло безумное желание подчиниться.

«Это и есть природа гэ'эра?»

Страшное дело!

Ван Ин передернул плечами, отгоняя лишние мысли, и принялся за работу. Вчерашних овощей в лавке еще хватало, так что сегодня он ограничился осмотром пшеницы и недавно пересаженных вишен. Пшеница уже дала дружные всходы. На этом поле жизнь кипела — даже без ускорения роста всё развивалось невероятно быстро. Урожай зерна здесь можно было собирать каждые девяносто дней.

Ван Ин бросил взгляд на системную панель.

[Прогресс уровня: До 2-го уровня осталось 30 очков опыта]

К тому времени, как созреет пшеница, поле должно выйти на второй уровень. Интересно, какие возможности это откроет?

До конца времени в пространстве оставалось полчаса. Он сидел на меже, а в голове всё еще был беспорядок. На самом деле, Чэнь Цинъюнь ему нравился... Даже прикосновения его не были противны. Ван Ин понимал: если он хочет и дальше пользоваться этим полем, близость неизбежна. Но образ из той нелепой книжки с картинками — то, как гэ'эры это делают — вызывал в нем неодолимое отторжение.

Вернувшись в спальню, он обнаружил, что в комнате тихо — муж уже спал. Ван Ин облегченно выдохнул: впредь нужно быть осторожнее.

***

В следующие несколько дней Чэнь Цинъюнь заметила неладное: брат со зятем будто кошка с собакой. Раньше Цинъюнь после уроков всегда сам носил обед в лавку, а теперь присылал младшего брата.

Вот и сегодня в полдень явился Цинсун с коробом. Внутри — две тарелки паровых бянши с начинкой из яиц и чеснока.

— Опять ты? — шепнула Цинъюнь, принимая еду. — Где старший брат?

— Сказал, что нужно проверить вчерашние работы.

— Как думаешь, они поругались?

Цинсун глянул на Ван Ина, который в это время обслуживал покупателя.

— Да вроде нет... Не заметил.

— Эх, ты... — вздохнула девочка. Женское сердце всегда чует размолвку тоньше. Даже Ван Ин, при всей своей толстокожести, понял: муж на него дуется.

После того случая в спальне Цинъянь три дня не проронил ни слова и ложился спать ровно по часам. Отсутствие супруга в лавке почему-то портило аппетит — даже любимые пельмени казались пресными.

Сегодня был базарный день, и народу в городе прибавилось. Люди заходили, приценивались к свежей зелени, но, услышав стоимость, тут же уходили. Мало кто был готов выложить целое состояние за пучок салата.

Когда Ван Ин доедал обед, вошли новые посетители. Он оставил палочки и поднялся навстречу.

— Ван Ин? — вдруг произнес один из вошедших.

Юноша замер. Перед ним стояли старший брат и невестка из его прежней жизни. В семье Ван отец с матерью были подстрекателями, а Ван Со — верным исполнителем. В памяти всплыли картины того, как этот человек избивал прежнего Ван Ина, используя его как мешок для битья. Тело само отозвалось нахлынувшим страхом — юноша побледнел.

Однако он быстро взял себя в руки.

— Что вам здесь нужно?

Ван Со гаденько усмехнулся.

— Как что? Столько времени прошло после свадьбы, а ты и носа домой не кажешь. Отец с матерью соскучились.

— С чего бы это? Отрезанный ломоть назад не приставишь. Считайте, что меня нет.

— Ну нет, так не пойдет, — агрессор шагнул внутрь, потирая руки. Его жена, госпожа Сюй,

робко дернула его за рукав, с тревогой глядя на Ван Ина. Из всей этой семейки только она была человеком: после её прихода в дом прежнего Ина стали бить реже — она всегда находила предлог, чтобы услатить мужа подальше, когда тот заносил руку.

Сегодня они пришли на ярмарку — после жатвы в кармане завелась монета, и они решили прикупить ткани на новые теплые вещи. Увидев у входа в лавку знакомый силуэт, Ван Со, не раздумывая, направился к нему. Он по-хозяйски обошел помещение и, не спрашивая разрешения, схватил огурец.

— Огурец стоит двадцать вэней за цзинь, — холодно произнес Ван Ин. — С тебя семь монет.

Нападавший обернулся и наотмашь влепил Ван Ину пощечину.

— Ты, дрянь, еще смеешь с меня деньги требовать?! Совсем страх потерял!

Всё произошло слишком быстро. Ван Ин застыл, в ушах зазвенело, а перед глазами поплыли круги. Чэнь Цинъюнь вскрикнула от ужаса. Цинсун схватил дверной засов и хотел было броситься на обидчика, но юноша удержал его.

— Бегите домой! Зовите дядю Чэня и Эршуня!

Этот Ван Со был похож на бешеного зверя, детям с ним не сладить.

— Зять... — Цинъюнь разрыдалась от страха, но, понимая, что толку от неё здесь мало, схватила брата за руку, и они со всех ног припустили к дому.

— За что ты меня ударил? Я тебя не трогал, — процедил Ван Ин, едва сдерживая ярость.

— А за что мне тебя не бить? — Ван Со сплюнул на пол. — Думаешь, раз в город подался, так и управы на тебя нет? Я еще за отца с матерью с тобой не рассчитался.

Он имел в виду ту самую бумагу об отречении. После того случая всю семью в деревне клеймили позором — даже на свадьбы и похороны звать перестали. И старший брат не нашел ничего лучше, как выместить злобу на Ван Ине.

— Ты до сих пор думаешь, что я тот самый Ван Ин, которого можно безнаказанно колотить? — юноша сузил глаза.

— А мне что, погоду спрашивать, прежде чем всыпать тебе?! — Ван Со снова замахнулся.

Ван Ин ловко уклонился, схватил бамбуковый шест, на котором обычно вешали хлопущки, и с

размаху обрушил его на голову обидчика.

«Ишь, привыкли издеваться! Думаете, я — мягкий комок глины?»

Нападавший не ожидал отпора. С детства он привык, что брат лишь сжимается в комок, а мать еще и удерживает его, чтобы старшему было удобнее бить. Получив удар, он на мгновение растерялся.

Ван Ин же с детства умел постоять за себя. В прошлой жизни он рос в деревне с дедом и бабушкой, а деревенские дети — народ суровый. Пока он не намял бока заводилам и не заставил их себя уважать, покоя ему не было.

Сейчас, вспоминая обиды маленького Ван Ина, он вкладывал в удары всю накопившуюся горечь. Бамбуковая палка так и гуляла по спине и плечам противника, заставляя того позорно метаться по лавке.

В разгар схватки прибежал Чэнь Цинъянь.

Услышав от детей, что в лавке беда и супруга бьют, он бросил книги и примчался на помощь. Сердце в груди ныло от раскаяния: зачем он злился, почему не пошел сам... Если с Ван Ином что-то случится...

Бой уже затихал. Овощи в лавке были разбросаны, Ван Со, весь в шишках и ссадинах, жался к стене, не переставая сыпать угрозами.

— Не смей трогать моего супруга!

Ван Ин замер, увидев мужа. Тот стоял в дверях, сжимая в руке обломок кирпича, грудь его тяжело вздымалась от бега.

— Ты как здесь?

Цинъянь ворвался внутрь, заслонил Ван Ина собой и вперил яростный взгляд в Ван Со:

— Кто ты такой и по какому праву распускаешь руки в моем доме?

Ван Со опешил. Говорили ведь, что этот книжник одной ногой в могиле, а он вон какой — живой и злой.

— Так это... зять, стало быть? — мгновенно сменил он тон. — Я же брат его старший! Вышло недоразумение, свои ведь люди, не признали сразу...

— Вон отсюда!

Ван Со поспешил ретироваться. У дверей он нос к носу столкнулся с дядей Чэнем и стражниками из ямэня, которых привел Эршунь.

— Кто тут смуту сеет? — грозно спросил один из них.

Увидев форму, Ван Со едва не лишился чувств. Ноги его подогнулись, и он рухнул на колени.

— Ошибка, господа, досадная ошибка! В лавке брат мой родной, одной крови мы, я проведать его зашел...

Ван Ин выскочил вперед:

— Врешь! Какая я тебе родня, бесстыжая ты рожа? Бумага об отречении давно подписана, черным по белому всё сказано!

Ван Со потерял дар речи. Спасла положение госпожа Сюй — она упала на колени и принялась бить поклоны:

— Виноваты мы, простите на первый раз! Господа стражники, пощадите, брат, будь милостив!

— Только ради невестки не велю вас в управу тащить! — крикнул Ван Ин.

Знакомый стражник, оглядев погром, пригрозил нарушителю:

— Еще раз увижу тебя здесь — на несколько дней в кандалы закрою, будешь тюремную похлебку хлебать!

— Понял, господин, всё понял! Век больше не сунусь!

Ван Со, спотыкаясь и едва не теряя обувь, бросился наутек. Госпожа Сюй бросила на Ван Ина полный боли и извинения взгляд и поспешила за мужем.

Когда стражники ушли, Чэнь Цинъянь схватил Ван Ина за руки.

— Куда он тебя ударил?

— Да пустяки, всё нормально...

— У тебя же щека распухла! — Цинъянь осторожно коснулся его лица.

— Ш-ш-ш...

Только сейчас, когда пыл схватки угас, юноша почувствовал, как горит кожа.

— Скорее в аптеку! Дядя Чэнь, приберитесь здесь и закрывайте лавку!

— Будьте покойны, молодой господин, ведите хозяина к лекарю!

— Да не стоит оно того, дома маслом смажу... — пытался сопротивляться Ван Ин, но Цинъянь, не слушая возражений, потащил его к врачу, храня при этом тяжелое молчание.

Ван Ин решил, что тот всё еще злится, и притих. Лекаря пришлось подождать, но, вернувшись, старик осмотрел рану и выдал баночку с мазью, велел втирать её дважды в день и не мочить лицо.

На обратном пути Чэнь Цинъянь продолжал крепко сжимать руку Ван Ина. Ладонь его вспотела, но когда юноша попытался высвободиться, хватка лишь стала крепче.

Дома их уже ждали перепуганные дети.

— Зять, ты как?! — наперебой спрашивали они.

— Всё хорошо, живой я.

Цинъюнь со слезами на глазах гладила его по рукаву.

— За что он тебя так?

— Долгая история... — вздохнул Ван Ин.

— Потом расскажешь. Сначала — лекарство, — отрезал Цинъянь.

Он не позволил супругу коснуться мази. Сам открыл баночку и осторожно нанес прохладный состав на его щеку. Мазь пахла свежими травами, и жар на коже постепенно стал утихать.

Ван Ин вкратце рассказал, кем ему приходится Ван Со.

— Он мой брат... был им. Мы давно не родня. Человек он дурной, с детства меня изводил. Помню, как-то раз загнал меня в ледяной ручей поздней осенью и не давал выйти. Я ног не чувствовал от холода, а стоило потянуться к берегу — он бил меня палкой. Соседка тогда спасла...

— Прости, — рука Цинъяня дрогнула, он склонился и осторожно подул на его щеку.

Ван Ин залился краской.

— Да ладно... всё в прошлом.

— Так, — Цинъянь повернулся к притихшим детям. — Услышали — и будет. Оставьте его, пусть отдыхает.

Когда они ушли, Ван Ин нерешительно спросил:

— Всё еще дуешься? Из-за какой-то чепухи столько дней молчал.

Цинъянь тяжело вздохнул.

— Я не на тебя злюсь. На себя...

— Да брось ты. Подумаешь — пощечина. Зато я ему кости-то пересчитал шестом.

Они встретились взглядами, и Ван Ин почувствовал, как сердце снова пустилось вскачь. Он быстро отвел глаза.

— Нужно нанять приказчика в лавку, — сказал Цинъянь. — Будешь заходить иногда, проверять дела. Негоже тебе так надрываться.

— Да что мне дома-то сидеть? Лишние траты на работника, к тому же — глаз да глаз нужен.

— А если он снова придет?

— Пусть попробует. Ван Со только перед слабыми смел, а перед властью — трус последний. Если сунется — Хуан Сань мигом его пристроит.

— Тогда я буду приходить к тебе сразу после уроков.

Юноша взъерошил волосы.

— Ладно уж, приходи.

***

Ван Со, вернувшись в деревню, тут же всё выложил родителям.

— Точно он?

— Да как не признать! Живет как барин, лавку свою держит! А тот муж его, Чэнь Цинъянь, вовсе не при смерти — стоит себе, как ни в чем не бывало!

Госпожа Ван вскочила с места:

— Не умер? Выходит, этот негодник и впрямь удачу принес?

Ван Лаошуань нахмурился.

— Знал ведь, что хитрит щенок. Зачем бы ему иначе ту бумагу подсовывать... Всё подстроил, змееныш.

— И что нам делать? — всполошилась мать.

— Завтра в город поедem.

Ван Со замялся.

— Отец... матушка... я бы не советовал.

— Это еще почему?

— Оперился он. Ни в грош нас не ставит. Мы с Госпожой Сюй зашли к нему, так он за один огурец семь взней потребовал! Я ему врезал, а он... он меня шестом отходил! Смотрите, всё плечо синее! А потом еще и стражников кликнул. Говорит — в кандалы закроют, если еще раз увидит.

Госпожа Сюй хотела было что-то вставить, но промолчала — её слова в этом доме никогда не имели веса.

Ван Лаошуань долго раздумывал.

— Коль силой не взять — хитростью возьмем. Я — отец его, никакая управа мне не указ.

Младший брат, Ван Су, доселе молчавший, подал голос:

— Да он нас ненавидит всех. Не простит он, хоть плачь перед ним.

Мать ткнула его в лоб:

— Много ты понимаешь! Он теперь при деньгах, у богатеев живет. Коли хоть каплю урвем — нам на год хватит.

— Не видать нам его денег... — буркнул Ван Су и отскочил, когда мать замахнулась на него. С тех пор как Ван Ин ушел, вся тяжелая работа легла на него, и теперь он на собственной шкуре почувствовал, каково это — быть в этой семье «младшим».

***

На следующее утро Ван Ин встал пораньше, чтобы привести лавку в порядок. Вчерашний бой дорого обошелся товару — много овощей пришлось перебирать и выбрасывать.

У самого выхода его окликнул Чэнь Цинъянь. Он достал из сундука тяжелое подбитое мехом соболя одеяние.

— Отец купил это в Пинчжоу много лет назад. Перед смертью отдал мне. Я почти не носил, — Цинъянь набросил накидку на плечи супруга. — На улице холодно, бери.

Одеяние было на диво теплым и уютным.

— Оставь себе, тебе нужнее.

— Дома тепло, а тебе — в самый раз. Бери, не спорь.

— Что ж... спасибо.

Цинъянь заботливо поправил воротник.

— Не нужно благодарностей.

— Ты такой добрый...

Лицо Чэнь Цинъяня вспыхнуло пунцовым, и он, нескладно шагая, поспешно скрылся в переднем дворе.

В школе уже был Чэнь Цинсун — подметал пол в классе.

— Брат! Зять, как ты?

— В школе зови его наставником, — поправил Ван Ин.

— Ох, простите, наставник. Как ваше лицо?

— Скажи-ка лучше, — уклонился от ответа Цинъянь, — выучил то, что я задал вчера?

— Почти...

— Вот и ступай учить. Сегодня в полдень обед носить не нужно.

— Слушаюсь.

Мальчик послушно уселся за последнюю парту. Вскоре потянулись и другие ученики. Пришли братья Фэн — трое сорванцов. Самый бойкий, маленький толстяк Фэн, первым поприветствовал учителя и сдал вчерашнюю работу.

— Наставник, матушка велела передать вам и господину Ван Ину эти бобовые лепешки.

— Поблагодари матушку от нашего имени.

— Да это пустяки! Она только начинку велела сделать, остальное слуги лепили.

Цинъянь улыбнулся и аккуратно завернул угощение в бумагу, решив в полдень отнести Ван Ину.

Когда все были в сборе, начались уроки. Цинъянь учил по собственной системе: для брата Цинсуна, метившего в чиновники, — «Четверокнижие» и «Пятиканоние»; для братьев Фэн, будущих купцов, — счет и арифметика; для самых маленьких — грамота.

Два часа пролетели незаметно. Как только уроки закончились, Цинъянь поспешил на кухню.

— Тётушка, готово?

— Всё готово. Неужто молодой господин сам пойдет?

— Цинсуну нужно учиться, а я сегодня свободен.

Забрав короб с едой, Чэнь Цинъянь почти бегом направился к выходу.

— Стойте! Палочки забыли! — крикнула вслед кухарка, но мужа Ван Ина уже и след простыл.

Он шел легко, и на душе у него было удивительно светло. Впервые он по-настоящему осознал смысл строк из «Ши цзин»: «Тот, кто рвет коноплю... Один день без него — словно три месяца!»

Подходя к овощной лавке, он увидел двух стариков, которые, вытянув шеи, с опаской заглядывали внутрь.

<http://bllate.org/book/15812/1429166>